Конституция России в условиях глобальных перемен правовой жизни: от политических иллюзий к юридическому реализму

БОНДАРЬ Николай Семенович, судья Конституционного Суда Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации

190000, Россия, г. Санкт-Петербург, Сенатская площ., 1

E-mail: ksrf@ksrf.ru

В статье представлен авторский подход к пониманию природы, назначения Конституции Российской Федерации 1993 г. в современных условиях глобальных перемен правовой жизни, что потребовало исследовать смысл и глубину ее влияния на социальную действительность, истоки порожденных ею на начальном этапе принятия политических иллюзий и правового романтизма, степень ее реализма как акта прямого действия и на этой основе показать место и роль Конституции в современном социокультурном и правовом миропорядке. Важное значение при этом имеет анализ современных вызовов праву, к которым, по мнению автора, относятся дефицит конституционного равенства, отрыв социокультурных начал от формально-юридических характеристик права, что, в конечном счете, создает угрозу утраты правом его сущностных характеристик как равной для всех меры свободы. Важным фактором преодоления современных угроз праву является действующая Конституция России, философско-мировоззренческой основой которой является методологический плюрализм. Востребованность данной методологии в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации позволяет ему осуществлять как правоохранительные, так и преобразовательные функции, что предполагает возможность социокультурного саморазвития, эволюционирования Конституции безотносительно к изменению ее текста.

Ключевые слова: стабильность и динамизм Конституции Российской Федерации, угрозы праву, конституционализм, конституционное правосудие, социокультурная среда, нравственно-этические начала Конституции Российской Федерации, философско-мировоззренческий плюрализм, прямое действие Конституции Российской Федерации.

The Constitution of Russia in the Context of Global Changes in Legal Life: From Political Illusions to Legal Realism

N. S. BONDAR, judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, doctor of legal sciences, professor, honored lawyer of the Russian Federation, honored scientist of the Russian Federation

1, Senatskaya sq., St. Petersburg, Russia, 190000

E-mail: ksrf@ksrf.ru

The article presents the author's approach to understanding nature, the purpose of the 1993 Constitution of Russia in the current conditions of global changes in legal life, which required exploring the meaning and depth of its influence on social reality, the sources generated by it at the initial stage of adopting political illusions and legal romanticism, its degree realism as an act of direct action. On this basis it shows the place and the role in the modern sociocultural and legal world order. The analysis of contemporary challenges to law, which, in the opinion of the author, as a deficit of constitutional equality, the separation of sociocultural elements from the formal legal characteristics of law, is of great importance. It ultimately creates the threat of the loss of its essential characteristics as an equal measure for all of freedom. An important factor in overcoming contemporary threats to law is the current Constitution of Russia, which philosophical and ideological basis is methodological pluralism. The demand for this methodology in the activities of the Constitutional Court of the Russian Federation allows it to carry out both law enforcement and transformative functions. The Court implies the possibility of sociocultural self-development and the evolution of the Constitution without changing its text.

Keywords: stability and dynamism of the Constitution, threats to the law, constitutionalism, constitutional justice, sociocultural environment, moral and ethical principles of the Constitution, philosophical and ideological pluralism, direct effect of the Constitution.

DOI: 10.12737/art_2018_12_2

2018 год по праву может считаться годом российского конституционализма, имея в виду не только 25-летний юбилей действующей Конституции 1993 г., но и 100-летие Конституции РСФСР, принятой V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 г., а также (что сегодня еще реже вспоминается) 40-летие последней Конституции советской России — Конституции РСФСР от 12 апреля 1978 г. При всех глубинных, сущностных различиях этих документов они воплощают и некие общие закономерности, даже если нам не всегда хочется — по тем или иным причинам — в этом признаваться. Это проявляется в «закономерно-непредсказуемой» непрерывности исторического процесса политико-правового развития нашей национальной государственности, впервые получившей 100 лет назад высшее юридическое оформление в виде целостного конституционного акта Российского государства¹ и прошедшей в последующем сложный, противоречивый путь конституционно-правового развития.

В этом плане сегодняшнее обращение к истории, в том числе к Конституции 1918 г., имеет принципиальное значение. С одной стороны, это позволяет более глубоко, с учетом сложных процессов исторического развития России, оценить венчавшую — в политико-правовом плане — суровый XX в. Конституцию 1993 г. С другой стороны, Конституция РСФСР 1918 г. — недооцененный отечественной доктриной конституционализма документ; не касаясь его качественных, в том

числе вызывающих очевидные сомнения, характеристик, представляется уместным отметить, что без проникновения в природу этого документа как оригинального, творческого, а не заимствованного, не производного от ранее существовавших зарубежных конституций акта новой (на тот момент) политической эпохи невозможно объективно оценить достоинства и недостатки не только ушедшего в прошлое советского, но и современного отечественного конституционализма².

На этой основе легче уяснить как национальные особенности, степень оригинальности, так и характер зарубежных заимствований, присутствующих в Конституции России 1993 г., смысл и глубину порожденных ею политических иллюзий и правового романтизма, равно как и степень реализма действующей Конституции. Это поможет, в свою очередь, дать ответ на вопросы, обращенные в будущее: насколько Конституция 1993 г. принадлежит новому, XXI в., а не ушедшему в историю веку прошлому? В какой мере она способна отвечать на глобальные вызовы современной политико-правовой жизни? Поиски ответов на эти вопросы чрезвычайно

¹ При этом, естественно, нельзя не учитывать, что истоки российского конституционализма (и не только доктринального) имеют более глубокие корни, чем принятие Конституции РСФСР 1918 г.

² Чтобы представить сложную философско-правовую основу текста Конституции РСФСР 1918 г. хотя бы в приближенном виде, уместно вспомнить конституционное кредо одного из ее авторов, профессора М. А. Рейснера: «В России нет права, оно смешивается с моралью, которая со своей стороны имеет полицейский характер» (URL: <http://www.informaxinc.ru/lib/zhzl/reisner/#CO15>). В этой формуле просматривается мировоззренческий образ будущей крайне противоречивой, но глубоко национальной, абсолютно оригинальной на тот период (и по содержанию, и по форме) Конституции РСФСР 1918 г.

актуальны, имея в виду, что новому, XXI в., возможно, уготованы испытания, в том числе в конституционно-правовой сфере, не менее сложные и судьбоносные, чем они были в прошлом веке.

Конституция в современном социокультурном и правовом миропорядке: вместо введения. Очевидно, что современную правовую жизнь, кризис конституционализма необходимо рассматривать не в узкоюридическом плане, а как системные вызовы в отношении всей современной правовой цивилизации, которая одновременно может быть представлена и как цивилизация права³.

В этом отношении на первый план выходит вопрос о самой природе, глубинных характеристиках перемен в законодательстве и в современной правовой жизни в целом⁴. В качестве ответа на него может быть предложен — по крайней мере в порядке дискуссии — тезис о том, что в основе сегодняшних глобальных перемен, включая правовую жизнь с ее конкуренцией, столкновением, появлением неких новых конституционных ценностей (как то

«конституционно-сексуальное» равенство, равенство однополых браков, которое уже сегодня признано законами 46 государств мира, 27 из которых являются членами Совета Европы⁵), лежит не столько политико-идеологическая или «классовая» борьба, сколько социокультурное противостояние. Отказавшись от признания какой-либо идеологии в качестве «государственной или обязательной» (ч. 2 ст. 13 Конституции РФ), мы тем не менее не смогли уйти от борьбы идей, противостояния политико-правовых, конституционных в своей основе ценностей; более того, эта борьба имеет тенденцию к обострению, приобретает качественно новые проявления: речь идет теперь о новой идеологии социокультурного противостояния, балансирующего сегодня между миром и войной (имея в виду в том числе новые формы войн — информационные, санкционно-экономические, гибридные и т. п.). “The West and the Rest” (Запад против всех остальных) — создается впечатление, что во многом таков лейтмотив социокультурной линии развития современной цивилизации, в том числе в правовой сфере.

Недавний настрой на партнерство цивилизаций, сближение, конвергенцию правовых систем (импульс которому был задан так называемым перестроечным периодом) сегодня трансформируется в противостояние социокультурных цивилизаций, их конституционно-правовых систем. Важно при этом учитывать, что сохраняющиеся, но получающие все более противоречивые формы своего проявления процессы правовой глобализации ведут не к усилению взаимопонимания, преодолению различий, усилению правового и тем бо-

³ Комплексный анализ этих процессов в их глубинном проявлении содержится в работах Председателя Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькина. См., например: *Зорькин В. Д.* Цивилизация права и развитие России. М., 2015; *Зорькин В. Д.* Право против хаоса. 2-е изд. М., 2018.

⁴ Эти вопросы системно исследуются, особенно в связи с развитием законодательства, учеными Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. См., например: Научные концепции развития российского законодательства: монография. 7-е изд. / отв. ред. *Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров*. М., 2015; *Хабриева Т. Я.* Гармонизация правовой системы РФ в условиях международной интеграции: вызовы современности // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2014. № 1; *Хабриева Т. Я.* Современное правотворчество и задачи юридической науки // Журнал российского права. 2015. № 8.

⁵ См.: State-Sponsored Homophobia. A World Survey of Sexual Orientation Laws: Criminalisation, Protection and Recognition. 2016. URL: https://www.ilga.org/sites/default/files/02_ILGA_State_Sponsored_Homophobia_2016_ENG_WEB_150516.pdf.

лее социального равенства, а к углублению пропасти неравенства как на национальном, так и межнациональном уровнях, включая удаление от конституционно значимых ориентиров наднациональных юрисдикционных механизмов с их политизированными двойными международно-правовыми стандартами.

В связи с этим возникают естественные, принципиально важные в методологическом плане вопросы: действительно ли глобализация способна оказать столь серьезное влияние на современную правовую жизнь, что возможны (и необходимы) пересмотр значения национальных конституций и признаваемых ими конституционных ценностей, провозглашение приоритета международно-правовых норм над нормами национальных конституций?

При поиске ответов на эти вопросы важно понимать, какой смысл вкладывается в понятие правовой глобализации. Каково сегодня реальное, а не декларативно-демагогическое отношение к ней на Западе? Примечательными в этом плане являются прозвучавшие совсем недавно, на Генеральной Ассамблее ООН 25 сентября 2018 г., следующие слова: «Мы отвергаем теорию глобализма и верим в доктрину патриотизма... По всему миру ответственные страны должны противостоять угрозам суверенитету не только со стороны глобальных правительств, но также и иным новым формам сотрудничества и доминирования». Еще недавно трудно было даже предположить, что эти слова могут принадлежать не какому-то протестующему на митинге, например, одной из западных столиц антиглобалисту, а Президенту США. Но в данном случае это именно так: Дональд Трамп в своем выступлении в ООН жестко противопоставил глобализм суверенитету и понимаемой им доктрине патриотизма⁶.

В конституционно-правовом изменении это предполагает, что в условиях глобализации ценность конституции и получающих закрепление в ней национальных ценностей и интересов не только не ослабевает, а, напротив, возрастает; более того, глобализационные процессы могут и должны рассматриваться, как нам на этот раз не без оснований напоминают из-за океана, сквозь призму не приоритета норм международного права над национальным законодательством и тем более над конституцией, а в соответствии с идеей патриотизма, в том числе конституционно признаваемого. В этих подходах, провозглашающих антиглобализм, национальный патриотизм в качестве государственной политики, — проявление нового взгляда не только на расстановку приоритетов в соотношении универсальных (всеобщих) и национально-специфических начал в конституционном регулировании, но и на степень императивности норм международного права в их соотношении с национальными конституциями в современном миропорядке⁷.

Для России с ее самобытной конституционно-правовой историей и с учетом современных международно-правовых условий это особенно актуально. В связи с этим уместно напомнить, что принятие Конституции РФ 1993 г. стало, по оценке Председателя Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькина, результатом колоссальных перемен, осуществлявшихся в нашей стране и связанных с крушением социалистиче-

⁷ В связи с этим остается хотя бы попутно вспомнить, с какой ожесточенной критикой было воспринято на Западе постановление КС РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П, в котором указано, что никакие решения наднациональных юрисдикционных органов не отменяют для российской правовой системы приоритет Конституции РФ и потому подлежат реализации в рамках этой системы только при условии признания высшей юридической силы именно Конституции РФ.

⁶ URL: <https://ria.ru/world/20180925/1529327692.html> (дата обращения: 06.11.2018).

ской системы, что, в свою очередь, обусловило существенные изменения и в правовых основах миропорядка⁸. Дальнейшие конституционные преобразования, происходившие в течение последних 25 лет в России, явились в этом плане не только отражением, но и фактором дальнейших изменений, преобразований в глобальных процессах современной цивилизации. При этом идея признания безусловной ценности суверенитета как основы современного миропорядка, т. е., говоря конституционно-доктринальным языком, идея конституционного патриотизма (родиной которой является, кстати, Германия), именно в этот период впервые была провозглашена от имени России на международно-правовом уровне (в Германии) в известной речи Президента РФ В. В. Путина на Мюнхенской конференции по вопросам политики и безопасности 10 февраля 2007 г.⁹ Впоследствии именно решительное отстаивание Россией своих национальных интересов, конституционный патриотизм во многом стали причиной принятия санкционных мер, нарастания русофобских настроений среди политических элит западного мира.

В этом плане один из главных вопросов, с которым уместно обратиться к Конституции России 1993 г., — это вопрос о ее исторической роли и особенностях реализации в условиях современных вызовов праву, глобального кризиса современного конституционализма.

Конституция России и современные угрозы праву. Для понимания того, какие основные угрозы стоят

перед правом на современном этапе, и для определения возможностей воздействия на них со стороны Конституции необходимо напомнить, что состояние права рефлекторно отражает состояние общества, его экономические, социальные, политические противоречия, а Конституция как ядро национальной правовой системы является при этом по своим сущностным характеристикам: а) порождением; б) юридической формой отражения, признания; в) институционно-правовой матрицей разрешения социальных противоречий в обществе и государстве.

Наиболее острые противоречия и максимальная угроза для права сегодня связаны с проблемой, которую можно сформулировать как *глобальный дефицит конституционного равенства*. В связи с этим уместно отметить: понятие конституционного равенства предполагает, что данный принцип требует не только признания формально-юридических стандартов равенства (равенства всех перед законом и судом, равноправия и т. п.), но и наполнения этого принципа социальным содержанием на основе конституционных требований справедливости (преамбула Конституции 1993 г.), достоинства личности (ст. 21) и в соответствии с этим — недопустимости несправедливого, конституционно необоснованного неравенства в любой сфере социального бытия, будь то экономика или политика, образование или здравоохранение, правосудие или государственное, муниципальное управление. Это позволяет охарактеризовать конституционное равенство не только как принцип, исходное основание всей системы правового регулирования, как особый правовой режим, основанный на требованиях справедливости, достоинства личности, но и как такую всеобъемлющую категорию, в которой воплощаются сущностные характеристики права как равной для всех меры свободы. Соответственно, дефицит конститу-

⁸ См.: Зорькин В. Д. Конституционный контроль в контексте современного правового развития // Журнал конституционного правосудия. 2018. № 4. С. 1.

⁹ См.: Асимметричный ответ. Стенограмма речи Президента РФ В. В. Путина в Мюнхене (10 февраля 2007 г.). URL: <https://lenta.ru/articles/2007/02/10/asymmetry/> (дата обращения: 06.11.2018).

ционного равенства как глобальный вызов современному праву способен деформировать не только любую национальную систему законодательства и правоприменения, но и саму природу права, этого удивительного явления современной цивилизации, без которого было бы невозможно обеспечение равной для всех меры свободы.

Что касается кризиса конституционного равенства, то он, конечно, имеет в своей основе внеправовые, метаюридические корни. Речь идет прежде всего о приобретающем все более угрожающие масштабы социальном расслоении, нарастающем разрыве между богатыми и бедными странами, регионами, национально-этническими, социально-демографическими, профессиональными, иными группами населения. Когда 82% всех богатств принадлежит 1% населения Земли, причем состояние самых состоятельных жителей росло за последние семь лет в шесть раз быстрее, чем заработные платы рабочих и служащих и в результате, по недавним подсчетам организации Oxfam, восьмью богатейшим людям мира принадлежит столько капитала, сколько половине всего человечества¹⁰, неизбежно возникают конституционно значимые вопросы о социальной справедливости, правах человека, достоинстве личности и возможностях решения соответствующих проблем с помощью права как «равной для всех меры свободы».

Острота проблем бедности, социального расслоения, усиливающегося социального неравенства, угрожающего основам социальной стабильности и демократического развития современных государств, — один из важнейших показателей системного кризиса современного конституционализма. Углубление социального расслоения и конституционного неравен-

ства — прямой путь к социальным потрясениям и революциям. При этом очевидна эрозия традиционных, классических представлений о ценностях современного конституционализма, которая затронула все пласты содержательных характеристик всеобъемлющего института конституционного равенства: нормативно-правовые, нравственно-этические, социально-экономические, национально-этнические, демографические, пространственно-территориальные, религиозно-конфессиональные и т. д.

В этом плане проблема конституционного равенства сегодня одинаково актуальна в формально-юридическом, социальном, нравственно-этическом, социокультурном планах. Сухая статистика свидетельствует, что современная Россия — на одном из первых мест по глубине социальной, имущественной дифференциации, по неравенству распределения богатств: на долю 1% самых богатых россиян приходится более 70% всех личных активов в России (в мире в целом этот показатель равен 46%, в Африке — 44%, в США — 37%, в Китае и Европе — 32%, в Японии — 17%). Россия также лидирует в мире по доле самых состоятельных 5% населения (это более 80% всего личного богатства страны). Похожие процессы — на микроэкономическом уровне: заработная плата руководителя частной российской компании превышает оклад рядового работника в 20—30 раз (по оценкам независимых экспертов, эта разница заметно выше); различия между минимальной и максимальной оплатой в рамках отрасли составляют в России 20—40 раз и еще больше — между регионами.

При этом, как свидетельствует исторический опыт, вопросы равенства и справедливости всегда актуализируются в переломные периоды развития общества и государства, что имеет место и в современной России: переход к рыночной экономике

¹⁰ См.: Яковлева Е. Восемь с половиной // Российская газета. 2018. 14 февр. С. 9.

и плюралистической политической демократии сопровождается серьезными изменениями наших представлений об этих вечных ценностях современной цивилизации.

Процесс утверждения в нашей стране новых конституционных ценностей, основанных на признании приоритета человека, его прав и свобод, переход к развитию Российской Федерации как демократического правового государства настоятельно потребовали решительного отказа от господствовавших ранее на протяжении десятилетий нашей истории искаженных представлений о социальном и правовом равенстве. Это предопределило, в свою очередь, новый вектор развития научных идей, необходимость пересмотра концептуальных подходов к анализу соответствующих проблем с учетом качественно новых принципов взаимоотношений личности с обществом и государством. Нельзя вместе с тем не видеть, что политические и экономические преобразования в стране, особенно проведенные в 1990-е гг., породили глубокие противоречия, в том числе в виде новых проявлений неравенств. В то же время потенциал Конституции 1993 г., достаточно определенно закрепившей социальную природу новой российской государственности (ст. 7, 38—43 и др.), который мог бы быть использован для противодействия негативным тенденциям и эффективного решения соответствующих проблем, оказался далеко не в полной мере востребованным. Более того, приоритетное значение приобрели в этот период так называемые рыночно-экономические нормы Конституции (ст. 8, 9, 35, 36 и др.) в их понимании на практике, далеко не в полной мере соответствующем глубинному содержанию самих принципов, духа Конституции 1993 г.

Это потребовало со стороны КС РФ внести существенные коррективы в истолкование соответ-

ствующих конституционных положений, сформулировать на основе вытекающих из основополагающих принципов, ценностей нашей Конституции правовые позиции о социальной ответственности частного предпринимательства, социально ориентированной природе находившейся на начальных этапах формирования на тот момент рыночной экономики России¹¹. Собственность предполагает необходимость несения обременений, обязанность ответственного отношения к правам и свободам тех, кого затрагивает предпринимательская деятельность с использованием частной собственности¹². Из этих же подходов вытекают конституционно обоснованные начала взаимоотношений бизнеса и власти, необходимость поиска разумной меры приватизации объектов государственной и муниципальной собственности, «распыления» экономической власти на основе активно развивающихся отчужденных ее форм в виде частного капитала, в том числе, к сожалению, криминального, и т. п.¹³ Все это имело принципиальное значение для понимания предельно обобщенных (в части регулирования экономических отношений) положений текста Конституции 1993 г. и, соответственно, для повышения его эффективности как правового инструмента социально-экономических преобразований.

С проблемой преодоления дефицита конституционного равенства, в том числе в социально-экономическом плане, напрямую связана и другая глобальная угроза современному праву — *деформация социокультурных начал в праве, отрыв*

¹¹ См. постановления КС РФ от 24 февраля 2004 г. № 3-П и от 10 июля 2007 г. № 9-П.

¹² См. постановления КС РФ от 18 июля 2008 г. № 10-П, от 24 июня 2009 г. № 11-П, от 13 февраля 2018 г. № 8-П.

¹³ Подробнее см.: Бондарь Н. С. Экономический конституционализм России: очерки теории и практики. М., 2017.

системы нормативно-правового регулирования от ее нравственно-этических основ.

Сегодня очевидными становятся попытки придать праву значение одного из основных орудий не взаимодействия и сотрудничества, а санкционно-конфронтационного противоборства, социокультурного противостояния. В этих условиях, по сути, наблюдается новая волна политизации права, ее своего рода социокультурная (в отличие от классово-политической) идеологизация, когда в качестве неких общих, универсальных правовых стандартов и принципов выдвигаются представления о праве, о конституционализме, свойственные одной конкретной культурно-правовой традиции. Как определенная реакция на эти процессы — непропорциональное усиление (доминирование) в отдельных странах, регионах современного мира религиозных, этнонациональных, иных геополитических факторов правового регулирования. На этой основе — противоречивые, нередко диаметрально противоположные процессы активной секуляризации законодательства в западных демократиях, с одной стороны, и столь же активная, порой воинственная клерикализация права и закона в других регионах мира, особенно в странах мусульманского фундаментализма, — с другой. Очевидно, одна из этих крайностей превращает право и закон в оторванную от реальных условий жизни, от важных для нее неправовых нормативов формальность, а другая — способна опровергнуть верховенство права, в том числе в соотношении с иными социальными регуляторами.

Отрыв права и закона от общей системы социокультурной нормативности сказывается и на представлениях о Конституции, которая может восприниматься в этих случаях как формально-технологичный, инструментальный акт, а не социально-правовая, социокультурная институция упорядочения

современной жизни. В основе этого лежит иллюзорное представление о законе государства как некоем самодостаточном инструменте социальных преобразований, не обусловленном вытекающими из жизни общества его нравственными характеристиками, духовным содержанием.

Между тем верховенство права, предопределяющее верховенство и прямое действие Конституции, реализуется в условиях общей социальной нормативности и связано с действием социокультурных, нравственно-этических начал, поскольку правовая норма всегда существует в определенном социальном контексте. Конституция исходит из идеи правового закона, в которой содержательные характеристики равной меры справедливости увязываются с формально-юридической определенностью, всеобщностью и общеобязательностью. Соответственно, и сама Конституция рассматривается не только как основной юридический закон, а как формализованная ценностно-нормативная система, обладающая духовной сакральностью¹⁴.

Исследование духовных начал Конституции как явления социальной жизни предполагает использование весьма тонкого методологического инструментария как средства достижения не только научно аргументированных знаний о глубинных, сущностных характеристиках этого явления, но и особого психологического восприятия данного документа на основе веры в истинность, социальную и правовую ценность закрепленных в Конституции положений. Именно вера (и основанное на ней доверие) как относительно самостоятельная философско-мировоззренческая система взглядов и оценок представляет собой форму отражения скрытых от внешнего вос-

¹⁴ См.: Бондарь Н. С. Гармонизация юридических и нравственно-этических начал Конституции: практика конституционного правосудия // Журнал конституционного правосудия. 2018. № 1. С. 10.

приятия сакральных характеристик Конституции, которые воплощаются не в букве, а в духе этого уникального документа.

С известной долей условности можно сказать, что существуют ощутимые различия в представлениях об указанных идеалах и подходах, свойственные англосаксонской правовой системе, с одной стороны, и романо-германской (континентальной) — с другой. Не вдаваясь в детали исторического правогенеза, можно отметить, в частности, воспринятый романо-германской системой права от римского права высокий уровень доктринальности, системно-методологической проработанности, структурированности, а также высокий уровень развития в ней нравственно-этических начал. И это далеко не случайно. Нравственно-этические начала, определившие континентальное право, были в их исходно-генетическом плане переведены с языка греческой философии на язык точных юридических формулировок римского права, а в дальнейшем получили развитие и методологическое подкрепление через активное влияние на континентальное право классической немецкой философии. Примечательной в этом отношении является широко известная сентенция И. Канта о том, что «право — это самое святое, что есть у Бога на земле».

Обращаясь к осмыслению приведенной кантовской максимы, можно задаться вопросом: что же придает праву столь высокий уровень святости? Очевидно, таким источником едва ли могут служить формально-юридические характеристики права. При всей важности соответствующих свойств права нужно признать, что основным, решающим фактором, возвышающим право в системе социальной нормативности, являются выраженные в праве требования равенства и справедливости. В этом плане юридическое обоснование, в частности, категории справедливости составляет ключевую

задачу как античной и средневековой, так и современной конституционной юриспруденции.

Объекты конституционного воздействия представляют собой такую систему общественных отношений и ценностных ориентиров, в рамках которых человеческие поступки и действия публичной власти (на любом уровне ее реализации) оцениваются прежде всего с точки зрения добра и зла, справедливости и несправедливости, чести и долга, человеческого достоинства, совести и греховности, других категорий нравственности, не обязательно получающих формально-юридическое, текстовое закрепление, но не утрачивающих от этого своей общеобязательности, нравственно-этической нормативности в сочетании с правовой императивностью. При этом глубинные основы духа Конституции РФ (как своего рода юридического зеркала, отражающего внутреннее состояние, корни духовных сил многонационального народа) сосредоточены в ее сущностных характеристиках. Выявление глубинных, сущностных начал Конституции связано с погружением в природу таких основополагающих явлений конституционной действительности, как свобода — власть — собственность в их коллизионном триединстве. При этом речь идет не столько о формально-юридических, сколько о социокультурных характеристиках этих явлений, а стало быть, и соответствующего документа как показателя реально достигнутого в обществе и государстве баланса между свободой и властью, включая власть экономическую. Ответы на эти вопросы содержатся в Конституции, если презюмировать ее реальный, а не фиктивный характер.

Никакая рациональная формально-юридическая аргументация не может быть свободной от национальной культуры и нравственности, ценностных характеристик правовых и социальных явлений. Кате-

гория «нравственность» признается как конституционно значимая — и не только в России, где в ч. 3 ст. 55 Конституции нравственность рассматривается как одна из целей, для достижения которой могут вводиться ограничения основных прав. Активно задействован этот термин и в российском отраслевом законодательстве (сейчас это 31 федеральный закон), но он не получил содержательного раскрытия в виде легальной дефиниции; как правило, речь идет о воспроизведении в отраслевых законах общей формулы названной статьи Конституции о возможности ограничения тех или иных основных прав в интересах нравственности.

На этой основе становится возможным уяснить глубинный смысл, природу Конституции 1993 г., не приукрашенное историческое значение, имея в виду не только уникальные юридические свойства, но и те характеристики данного документа, которые могут стать (и при определенных условиях становились) источником политических иллюзий и правового романтизма, надежд и разочарований, равно как и конституционных прозрений и новых обретений.

Философско-мировоззренческий плюрализм Конституции 1993 г. как отражение вечных идеалов и юридических реалий: pro et contra. Исследование внутренней природы Конституции РФ, оценка ее реального значения в обустройстве демократической правовой государственности новой России вполне согласуются с пониманием, уяснением того обстоятельства, что историческое время, прошедшее с момента принятия и вступления в силу Конституции 1993 г., неоднородно, весьма противоречиво. Конституцию же, ее нормативное содержание во многом наполняют смыслами национальные и исторические традиции, социальные условия и политические установки, что дает повод и предпосылки для усиления одних и ослаб-

ления других начал конституционализма.

Конституция РФ 1993 г. отражает в своих основополагающих характеристиках фундаментальные интересы, конституционные идеалы многонационального народа России, она не находится в плену космополитических иллюзий, которые столь активно навязывались нам после распада Союза ССР. Вместе с тем — нельзя это игнорировать — Конституция России, как и любая другая, не лишена содержательных, по крайней мере имплицитно присутствующих, предпосылок для проявления не только конституционных надежд, но и разочарований, политических иллюзий и правового романтизма наряду с юридическим реализмом.

Но является ли это свидетельством неких недостатков Конституции? На этот вопрос определенно следует дать отрицательный ответ. Это ее особенность, в основе которой — политико-правовая философия методологического плюрализма. Философский монизм, характерный, в частности, для советского периода отечественного конституционализма, не оставлял места даже для иллюзорных ожиданий и надежд на политическое, идеологическое разнообразие в обществе и государстве. Современное понимание явлений конституционной жизни может быть охарактеризовано с позиций мировоззренческого плюрализма. Предполагается, что различные концепции, подходы к праву в современных условиях приобретают не только доктринальное, но и нормативно-правовое значение в той мере, в какой они могут быть адекватно интегрированы в социокультурное пространство конституционно-правового регулирования. Это объективно предопределяет признание и утверждение философско-мировоззренческого плюрализма и как доктринального метода исследования, и как конституционно значимого принципа нормативно-право-

вой организации и функционирования демократической государственности.

На этой основе становится возможным всесторонне оценить как собственно правовые явления, так и неюридические (в том числе предъюридические, постъюридические), а также метаюридические феномены конституционализма социального, экономического, политического, культурного характера. Причем в той мере, в какой они выступают и социокультурной предпосылкой формирования конституционализма, и в качестве имманентных его характеристик, институциональной основы конституционализма, и одновременно — средой его существования и развития, что решающим образом влияет на основополагающие конкретно-исторические характеристики Конституции.

Несмотря на то что в координатах мировоззренческого плюрализма присутствуют различные концептуальные начала, его квинтэссенцией в нормативно-правовом проявлении является реализация на конституционном уровне двух типов правопонимания — позитивизма и естественно-правового права. Сочетанием позитивистского и естественно-правового подходов обеспечивается переход к интегративному, конституционно значимому правопониманию и восприятию на правовом уровне всего многообразия конституционно значимых явлений государственно-политической, экономической, социально-культурной жизни.

В этом плане методологический плюрализм Конституции 1993 г. не есть свидетельство некой мировоззренческой эклектики, в рамках которой естественно-правовой тип правопонимания конкурирует с позитивистским как бы по аналогии с конкуренцией буквы и духа Конституции. Такой подход имеет в своей основе противопоставление естественно-правовых и позитивистских начал, исключает возможность

их сосуществования (при признании за ними самостоятельной и соотносимой юридической ценности) без ущерба для права как воплощения свободы, равенства и справедливости.

Вместе с тем нельзя не признать, что во многом именно естественно-правовые начала Конституции 1993 г. стали философско-правовой основой правового романтизма, а в каких-то ситуациях — и политических иллюзий в нашем обществе, в частности, на начальных этапах реализации Конституции, в условиях не всегда выверенных преобразований. В концентрированном виде это получило нормативное закрепление в положениях, где Конституция РФ, реализуя идеи естественно-правового правопонимания, провозглашает, что основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения (ч. 2 ст. 17), а человек, его права и свободы признаны высшей ценностью (ст. 2) безотносительно к национальным традициям коллективизма и соборности. Вместе с тем справедливости ради следует отметить, что из самой Конституции РФ вытекает недопустимость противопоставления естественно-правовых начал позитивному законодательному регулированию прав и свобод человека и гражданина: полномочия по государственно-правовой регламентации прав человека закрепляются за федеральным законодателем (п. «в» ст. 71), а в ст. 18 Конституции РФ говорится, что права и свободы определяют смысл, содержание и применение законов, т. е. содержащиеся в правах и свободах естественно-правовые начала должны объективироваться в позитивных (принимаемых государством) законах, получать реализацию в правоприменительной практике.

В этом плане более внимательного отношения — с точки зрения возможных проявлений правового романтизма и политических иллюзий — потребовали положения Кон-

ституции, породившие определенные иллюзии, связанные с абсолютизацией примата международного права. Речь идет о положениях ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, на основе которых осуществляется проникновение наднациональных, в том числе европейских, ценностей современного конституционализма в пространство российской правовой системы, обеспечивается их определенное взаимодействие с национальными конституционными и вместе с тем открываются возможности для дополнительного обеспечения, гарантирования и защиты национальных конституционных ценностей наднациональными институтами (ч. 3 ст. 46, ст. 79). Соответственно, предполагается, что реализация ценностей, принципов, институтов национального конституционализма обеспечивается не только внутригосударственными правовыми механизмами и юрисдикционными процедурами, но и за счет применения международных, в том числе региональных, средств защиты права, в рамках функционирования наднациональных контрольно-юрисдикционных институтов. Возможность такого взаимодействия национальных и наднациональных элементов в реализации ценностей конституционализма отражает общую тенденцию развития цивилизации; в пределах Европы, например, оно выражается в формировании общеевропейского конституционного пространства.

Однако проникновение в национальную правовую систему универсальных ценностей, особенно если иметь в виду возможности их определенной интерпретации наднациональными органами, может быть связано с возникновением конфликтов и коллизий, политикой двойных стандартов, что в последнее время в особо острой форме проявилось применительно к взаимоотношениям национальной конституционной и европейской конвенционной юрисдикций в вопросах обеспечения ос-

новных прав и свобод человека. Как свидетельствует наш опыт конституционного развития, нет никаких оснований для правового романтизма по поводу безупречной объективности наднациональных юрисдикционных институтов.

Конституционный Суд РФ, пожалуй, одним из первых среди национальных органов конституционного правосудия Европы сделал принципиальный вывод на предмет юридической природы конвенционных прав и свобод как имеющих ту же природу, что и закрепленные в Конституции РФ права и свободы человека и гражданина: «...подтверждение их нарушения соответственно Европейским судом по правам человека и Конституционным Судом Российской Федерации — в силу общей природы правового статуса этих органов и их предназначения — предполагает возможность использования в целях полного восстановления нарушенных прав единого институционального механизма исполнения принимаемых ими решений»¹⁵. В этом находит признание тот факт, что происходит не только прямое влияние международных (европейских) институтов защиты прав человека на национальные конституционные системы, но и конституционализация общепризнанных принципов и норм международного права, в том числе на основе Конституции России 1993 г., и, соответственно, проникновение внутригосударственных юридико-правовых (конституционных) начал в сферу международных отношений, определяющих, в частности, сферу европейского конституционного пространства.

Но это не означает, что Россия безусловно связана теми интерпретациями конвенционных положений, которые, даже следуя доминирующим в Европе ценностным пред-

¹⁵ Постановление КС РФ от 26 февраля 2010 г. № 4-П (абзац второй подп. 3.3 мотивировочной части).

почтениям, дает ЕСПЧ, если подобные интерпретации предполагают принятие на национальном уровне мер, идущих вразрез с национальной системой конституционных ценностей. В постановлении от 14 июля 2015 г. № 21-П КС РФ сформулировал принципиальный подход, который должен исключить всякие предпосылки для правового романтизма и политических иллюзий на этот счет. Он сводится к тому, что, будучи правовым демократическим государством, Россия как член мирового сообщества, в котором действуют общепризнанные принципы и нормы международного права, включает международные договоры и участвует в межгосударственных объединениях, передавая им часть своих полномочий, что, однако, не означает ее отказ от государственного суверенитета; исходя из этого в ситуации, когда содержанием постановления ЕСПЧ, в том числе в части обращенных к государству-ответчику предписаний, основанных на положениях Конвенции о защите прав человека и основных свобод, интерпретированных ЕСПЧ в рамках конкретного дела, неправомерно — с конституционно-правовой точки зрения — затрагиваются принципы и нормы Конституции, Россия может в порядке исключения отступить от выполнения возлагаемых на нее обязательств, когда такое отступление является единственно возможным способом избежать нарушения основополагающих принципов и норм Конституции РФ. Если КС РФ придет к выводу, что постановление ЕСПЧ основано на Конвенции о защите прав человека и основных свобод в истолковании, противоречащем Конституции РФ, в этой части оно не подлежит исполнению.

При этом практика показывает, что отстаивание посредством конституционного правосудия национальной конституционной идентичности связано с поиском гибких, сбалансированных подходов, позволяю-

щих учесть, насколько возможно, международные обязательства, поскольку они совместимы с конституционным правовым порядком. Так, в постановлениях от 19 апреля 2016 г. № 12-П и от 19 января 2017 г. № 1-П Конституционный Суд РФ предложил определенные варианты, которые позволяют в определенной мере учесть в регулятивной и правоприменительной практике России высказанные ЕСПЧ правовые подходы, в том числе по таким чувствительным для России вопросам, разрешению которых были посвящены указанные постановления КС РФ и соответствующие им решения ЕСПЧ.

Конституционные надежды России — в реальности и последовательной реализации Конституции 1993 г. При наличии различных методологических подходов — в условиях философско-мировоззренческого плюрализма Конституции 1993 г. — к обоснованию и интерпретации правовых идеалов общества и государства следует признать, что исходным и важнейшим таким правовым идеалом является Конституция. Она служит концентрированным выражением эталона, меры демократического развития современного государства и общества и одновременно отражает желаемый, а стало быть, не только сущий, но и должный, перспективный образ государственно-правовой системы, развивающейся в том числе в координатах современного международного правового порядка.

В этом плане Конституция предстает как формально-юридический источник фиксации и генерирования национальных идеалов и принципов, гарантия их нормативно-смысловой, исторической идентичности и практической востребованности, действительности, реализуемости, т. е. Конституция выступает мировоззренческой, регулятивной и правоприменительной основой последовательной реализации всей системы правовых идеалов и принципов в социально-правовой жизни общества.

При этом постановка проблемы о правовых идеалах и непреходящих ценностях конституционализма подразумевает необходимость их осмысления в свете не только содержательных, но и формально-юридических характеристик Конституции. В этом плане исходную и одновременно непреходящую формально-юридическую ценность Конституции составляют такие ее внутренне противоречивые свойства, как стабильность и развитие. Конституция как акт высшей юридической силы сохраняет свою стабильность не только в силу особого, усложненного порядка изменения, внесения в нее поправок, но прежде всего благодаря заложенным в Конституции внутренним потенциальным возможностям к саморазвитию, к нормативно-интерпретационному самообогащению в условиях меняющегося социокультурного контекста. Особая роль в этом принадлежит Конституционному Суду РФ, осуществляющему официальное и казуальное толкование Конституции, конституционализацию всей системы законодательства и практики его применения.

В этом качестве Конституция России 1993 г. как постоянно развивающийся документ является Основным Законом не прошлого, а нынешнего, XXI в. Одновременно это позволяет действующей Конституции России служить важным фактором преодоления современных угроз праву, активно влиять на все стороны жизнедеятельности общества, государства, его граждан, равно как и на современный международный миропорядок. Залогом этого является последовательная реализация Конституции как акта прямого действия.

Эти качества Конституции 1993 г., получившие прямое нормативно-правовое самопризнание (ч. 1 ст. 15), принципиально отличают ее от прежней логики советского конституционализма, в котором роль Конституции сводилась скорее к программно-политической, идеологической функции. В прямом действии Конституции отражаются ее значение как первичного и универсального источника права, предпосылка всех правовых норм.

Прямым действием Конституции РФ связаны все правоприменители в лице всех ветвей власти. При этом не только основным субъектом, но одновременно и генератором прямого действия Конституции является судебная власть. Это определяется природой судебной власти, ее самостоятельностью в системе разделения властей (ст. 10 и 11 Конституции РФ), универсальным характером права на судебную защиту (ст. 46 Конституции РФ). Непосредственное применение судами конституционных норм естественным образом связано с реализацией конституционного контроля, который служит гарантом неразрывности фактической и юридической конституции, обеспечивает непрерывность демократических конституционно-правовых процессов и одновременно единство правового пространства России.

Последовательная реализация Конституции как акта прямого действия является в этом плане условием освобождения от политических иллюзий и правового романтизма и одновременно предпосылкой реализации тех надежд, которые 25 лет назад породила действующая Конституция России.

Библиографический список

State-Sponsored Homophobia. A World Survey of Sexual Orientation Laws: Criminalisation, Protection and Recognition. 2016. URL: https://www.ilga.org/sites/default/files/02_ILGA_State_Sponsored_Homophobia_2016_ENG_WEB_150516.pdf.

Асимметричный ответ. Стенограмма речи Президента РФ В. В. Путина в Мюнхене (10 февраля 2007 г.). URL: <https://lenta.ru/articles/2007/02/10/asymmetry>.

Бондарь Н. С. Гармонизация юридических и нравственно-этических начал Конституции: практика конституционного правосудия // Журнал конституционного правосудия. 2018. № 1.

Бондарь Н. С. Экономический конституционализм России: очерки теории и практики. М., 2017.

Зорькин В. Д. Конституционный контроль в контексте современного правового развития // Журнал конституционного правосудия. 2018. № 4.

Зорькин В. Д. Право против хаоса. 2-е изд. М., 2018.

Зорькин В. Д. Цивилизация права и развитие России. М., 2015.

Научные концепции развития российского законодательства: монография. 7-е изд. / отв. ред. Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров. М., 2015.

Хабриева Т. Я. Гармонизация правовой системы РФ в условиях международной интеграции: вызовы современности // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2014. № 1.

Хабриева Т. Я. Современное правотворчество и задачи юридической науки // Журнал российского права. 2015. № 8.

Яковлева Е. Восемь с половиной // Российская газета. 2018. 14 февр.